

Евг.ВАСИЛЬЕВ

здником, своего рода веселым скандалом. В общем — комбинация культуры, некультурности, культуры традиционной и театральной. Вон, видите, висит гигантский ме-

— Им, да все очень просто. Я пришел на фильм сделать только костюмы. А через несколько дней Давид попросил меня сделать декорации, и через неделю макеты уже

то и суду счастья, и пашет всесторонней деятельности мы все время спорили. Я все пытался перетянуть Славу на свою сторону. В современном мире неинтересно, кто победил

На выставке "Дурная бесконечность"

Текстильный бал

"Параскева"
в Благородном собрании

В самый разгар холодной весны в выставочном зале "Смольный" проходила выставка "Текстильный бал", организованная Санкт-Петербургским этнокультурным клубом "Параскева".

О концепции проекта "Текстильный бал" рассказывает директор клуба Светлана КОМАРОВА:
— Идея весеннего текстильного бала — продолжение традиций культурной жизни Петербурга: знаменитых ежегодных балов художников, проходивших на Рождество и Масленицу в зале Дворянского собрания или в Марининском театре. Кроме того, свои "правила игры" диктовали особенности представленного нам "дворцового" интерьера. Эта выставка стала своего рода пересечением традиций народных гуляний и светской жизни Петербурга.

Бал — это универсальная культурная форма, изначально предполагающая синтез различных видов творческой деятельности человека, она вбирает в себя интерьер, музыку, движение и, конечно, костюм. Поэтому бал как идея выставки позволяет объединить в единое праздничное целое все экспонируемые предметы, придав каждому из них дополнительную внутреннюю динамику. В этой ситуации основными объектами становятся не люди, а вещи: в разных ритмах сменяющие друг друга текстильные идеи, считающиеся через форму, фактуру, цвет, технику или материал. Наш клуб занимается изучением традиций, активно сотрудничает с Рос-

сийским этнографическим музеем, но думаю, что этой акцией мы удивили посетителей, ведь многие из них ожидали увидеть в основном вещи, связанные с народными традициями, на выставке же представлены вещи подчеркнуто современные.

Конечно, мы делаем и этнокопии, но предпочтение отдаем созданию новых авторских произведений. Наша задача — сохранить не внешнюю сторону культуры, а внутреннее ее состояние. А исследуя костюм с точки зрения современного человека, мы получаем иную форму, но содержание, по сути, традиционно.

В экспозиции есть и чисто этнографические вещи — поделки С.Бусыгиной в классическом стиле, декоративные панно в технике вологодского кружева, функциональная одежда ("Бархан" Е.Старовойтовой, "44 веселых стрижка" Архиповой, "Жизнь насекомых" Губайдулиной), авангардный "театр моды" ("Текстильное чтиво" Е.Фрей, "Утро с ангелом" Д.Гусок), куклы (Яблочников). Отбор материала вообще очень демократичен, в выставку участвуют как художники-профессионалы, так и любители. И подобное разнообразие техник и материала — это образцы современного общества, в котором соседствуют на первый взгляд несоединимые, но в действительности не существующие друг без друга явления.

Елизавета АБРАМОВА
Санкт-Петербург

Участники "Текстильного бала"

"Большой натюрморт". 1982 г.

В залах Академии художеств на Пречистенке открыта выставка Рудольфа Хачатряна — мастера, заставляющего запоминать свои образы-формулы, будь то поражающие своим веризмом портреты, исполненные остро отточенными карандашом, откорректированные видения метаморфоз каплеобразных существ, любящих и страдающих, или уже последние работы, которым имени нет, да и трудно сказать, будет ли, и которые представляют некие объекты. В этих последних работах, которыми сам художник столь увлечен, осуществлен прорыв к "новой", глубинной реальности — реальности скрытого бытия материи, таинственного и одухотворенного.

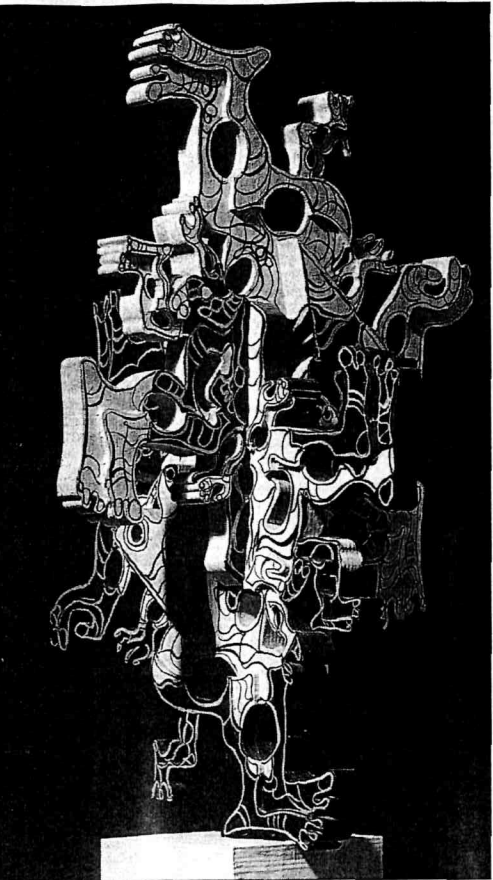
Уж так получается, что некоторые мастера XX века устремлены к подобным "прорывам", снимают,

художественно проанализировав, словно скорлупки, один слой реальности за другим и приближаясь к таинственному и непознаваемому, но такому манящему. Достаточно вспомнить лишь Василия Кандинского, чтобы понять, о чем идет речь. А предшественником их был великий Леонардо да Винчи. Кандинский и Леонардо являются примерами и для Хачатряна — примерами не для подражания, но исключительно для вдохновения. Так перекликаются столетия, так начинается переход из века XX в следующий.

Трудно сказать, почему уж так получилось, но художник, которому сейчас 65 лет, стал рисовать сымальства, самостоятельно овладевая навыками тщательной передачи натуры. Это желание быть самим собой, никому не подражая,

Прорыв в... XV век?

Выставка работ Рудольфа Хачатряна

"Многомерный объект №6". 1998 г.

осталось навсегда. Со временем изучение наследия великих мастеров Возрождения, будь то Леонардо или Дюрер, позволило понять, насколько правильно был избран путь: погружение в стихию реальности, в тщательное изучение поверхности вещей и лиц, в понима-

ние жизни складок драпировок, в значение запоминающейся детали, будь то царяпина на поверхности камня, изгиб ветки дерева, локон причеки красавицы. Возможность увидеть мир в многообразии следов на поверхностях при безжалостном свете, не позволяю-

щим ничего скрыть в полутьме, где все выставлено на показ, — особый дар. Однако же при этом в этих работах нет и следа какого-либо бескрылого натурализма, напротив, все напоено каким-то лиризмом, а сама любовь к детали, точнее — деталям, многим частностям, слагающимся в целое, есть свидетельство нежной и проникновенной любви к предмету, к человеку в определенной среде.

Наряду с этими самодостаточными образами, успокоенными, замкнутыми и значительными именно своей цельностью, возникают — драматичные, экспрессивные, когда формы реются. Уроки европейского кубизма и сюрреализма тут сказались явно, они нужны были, чтобы испытать мир тишины и покоя, которыми до этого мастер наслаждался и которому казалось, что изображенное — его ("нарисовал" — отобрал у мира себе на память", — такова могла быть формула рисунков), только "его", и он уже вправе решать, дарить ли эти образы другим. Отметим, что дарил, и слава тонкого аналитика и виртуозного мастера карандаша за Хачатряном закрепилась быстро. Но, повторяем, час испытаний настал. Открытия увлекли.

В экспозиции зритель может наблюдать, как из работы в работу усиливалось чувство проникновения в праматерию, биологически активную, духовно насыщенную. Не было сомнения, что избранный путь поведет к новым решениям, к иному осмыслению жизни форм в пределах обрамленной плоскости холста или бумаги. Обобщенные силуэты, в которых угадываются профили мифологических существ, накладывались друг на друга, словно отбрасывая тени. Становилось ясно, что им нужна жизнь, более пространственная, и потому Хачатрян переходит от рисунка к живописи к рельефу, к многомерности.

Скупой на цвет художник, не впадая в мрачность, стремится показать при известной ограниченности художественных средств (в ней — мудрость мастера) элементы мира в их природной первозданности, а бушующие мифологические существа впечатываются в него, и теперь лишь мелькают их руки, ноги, туловища. Какой-то организованный хаос, "страсти Приро-

ды в своей первозданности", в первоначальной неотделенности живого и сугубо материального. Хачатрян, прожив в XX веке, не увидел его запоминающихся примет цивилизации: всяких там авто, аэропланов, спутников, телефонов или компьютеров. В его искусстве речь о другом, о том, что составляет саму природу человека, о телесном, о принципах жизни форм в пространствах. Он изучил тело человека, его повадки, штудировав позирующих натурщиц или драпируя свои модели в эффектные костюмы и украшая им голову венками. Он изучил позы, перемещения и характеры мифологических существ. Он решил узнать качества материи в пространстве. Он...

Желание все перепроверить и систематизировать, рассмотреть с разных сторон приводит к тому, что многомерные объекты уже не только предполагают обход их, но и сами возвращаются перед зрителем, демонстрируя всю свою сложность. Так, к трехмерности реального пространства добавляется четвертое измерение — время. Все, как эхо, множится, и лишь основные оси и принципы симметрии и равновесия помогают сохранить структуру — структурность мира. Вот она, еще одна формула Хачатряна.

Трудное, простое искусство. Важным представляется то, что в наше время сомнений, бесконечных вопросов, на которых нет ответа, время неясностей и недоумков, художник стремится к последовательности и четкости своей эстетической позиции. Она философская по своему характеру. И это ценно. И грех думать, что искусство — головное или придуманное; оно идет от чувств, ими воспринято и ими напоено. Просто мастер решил познать мир в его масштабности и полноте Бытия. Он начал с изучения следов Вечности на творениях рук человеческих, на самом теле людей, а потом погрузился в бездонный океан пространственно-временных отношений и метаморфоз. Сохраняя, как и прежде, свою веру: увиденное — оставленное на память.

И личную, и всечеловеческую. Такое искусство надо знать.

Валерий ТУРЧИН

Кульбазе №16
18-24 апр. 2008